

ЭФОРУМ

№ 3 (24) июнь, 2011 г.

 БЮЛЛЕТЕНЬ
 ЛАБОРАТОРИИ
 ЭКОНОМИКО-
 СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
 ИССЛЕДОВАНИЙ

ЗНАКОМИМСЯ.....2   **УЗНАЕМ** 7   **УЧИМСЯ** 11   **ШУТИМ** 14

Интервью с Еленой Мезенцевой: «Основной проблемой гендерных исследований является дефицит собственной методологии»

Женские драки: роль боли в восприятии ситуации применения физического насилия

Преподаватели тоже учатся: осваиваем опыт английских коллег

Путешествие ЛЭСИ в ближайшее Подмосковье

Уважаемые читатели!

В поисках в Интернете приличного анекдота про гендер (с целью весело начать июньский «ЭСФорум») мы обнаружили, что в вузах уже давно читаются пристойные учебные курсы под названием «Гендер в анекдотах». И этот факт нам показался анекдотичным сам по себе. Впрочем, если говорить серьезно, он – лишь еще одно доказательство невероятной популярности гендерной тематики как в народном творчестве, так и в общественных науках. Отношения полов интересуют всех и всегда. Вот и мы решили (не боясь, что кто-то может сказать: ваш гендер уже набил всем оскомину) июньский номер бюллетеня посвятить гендерным вопросам.

В рубрике «Знакомимся» мы публикуем интервью с доцентом кафедры экономической социологии Еленой Мезенцевой. Она рассказывает: почему Остапу Бендеру достаточно было в устной форме уведомить мадам Грицацуеву о разводе; как регионы России различаются в уровне гендерного неравенства; с какими вызовами столкнулась традиционная семья в современном обществе.

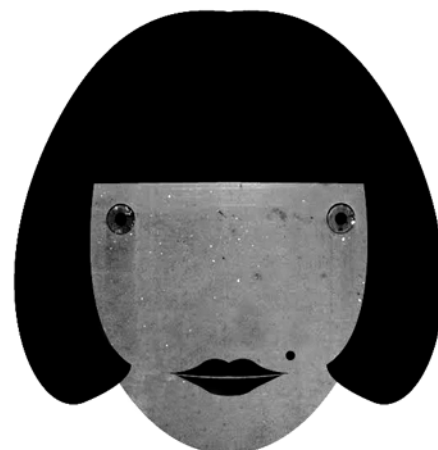
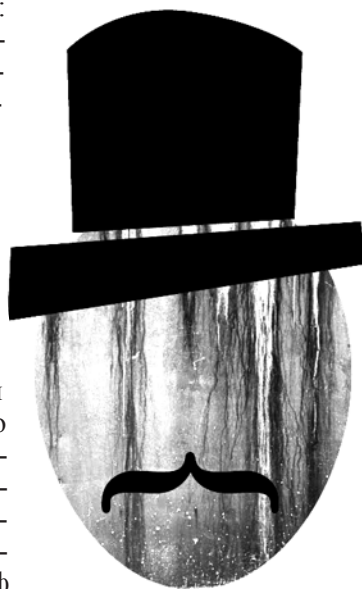
В рубрике «Узнаем» мы представляем эссе Эльвиры Ариф «Женские драки: роль боли в восприятии ситуации применения физического насилия». Скорее всего, каждый из нас скажет, что женские драки – это нечто шокирующее и неприемлемое. Однако задумывались ли вы о том, что коммерциализация физического насилия ведет к его легитимации? Потому просмотр женского боя на канале MTV может оказаться для кого-то вполне занимательным зрелищем. На основе интервью с девушками, принимавшими участие в драках, Эльвира Ариф демонстрирует различия женщин и мужчин в восприятии ситуации физического насилия.

В рубрике «Учимся» мы немного отступим от гендерных проблем и сфокусируем внимание на вопросах отношений преподавателей и студентов НИУ ВШЭ. Здесь помещена работа Натальи Халиной на тему «Преподаватели тоже учатся: осваиваем опыт английских коллег». В ней автор делится своими впечатлениями от посещения курса «Педагогические семинары 2010–2011», организованного МИЭФ совместно с Центром преподавания и

обучения Лондонской школы экономики, в рамках которого под руководством опытных английских коллег преподаватели ВШЭ осваивали новые методики организации учебного процесса, чтения лекций, выставления оценок, и др.

В рубрике «Шутим» мы представляем читателям пьесу «Путешествие ЛЭСИ в ближайшее Подмосковье», написанную старшим преподавателем кафедры экономической социологии Александром Куракиным. В ней предсказываются непростые события, которые предстоит пережить сотрудникам Лаборатории экономико-социологических исследований этим летом.

Увлекательного чтения!
Создатели «ЭСФорума»

P.S. В ходе подготовки интервью с Натальей Богатырь «Читать на языке различных дисциплин...» (ЭСФорум. 2011. № 2 (апрель). С. 2) была допущена ошибка. Автору интервью было известно о проекте по адаптационным стратегиям русских переселенческих групп в Закавказье, однако непосредственного участия она в нем не принимала. Приносим свои извинения.

Елена Мезенцева

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической
социологии НИУ ВШЭ,
международный эксперт
ЮНИФЕМ по региону ЦВЕ
и СНГ

– Елена Борисовна, расскажите, пожалуйста, как вышло, что социология гендера и социология труда составили Ваш основной научный интерес?

– Я не могу сказать, что мне пришлось делать выбор. Скорее тема выбрала меня. В 1988 г. был образован Институт социально-экономических проблем народонаселения, который до этого момента входил в состав ЦЭМИ. Возглавила его член-корреспондент РАН Н. Римащевская. Под ее руководством в 1990 г. в Институте была организована Лаборатория гендерных исследований. Тогда же Анастасия Посадская, Наталья Захарова и Ольга Воронина создали Московский центр гендерных исследований. Однако, если Лаборатории был присвоен статус научного подразделения ИСЭПН РАН, то Московский центр сформировался как общественная организация (МЦГИ). Он существует и по сей день. В Центр меня пригласила А. Посадская, которая была знакома с моим докладом, посвященным гендерным различиям в сфере занятости, подготовленным по итогам обследования в Восточной Украине. В нем рассматривались стратегии занятости мужчин и женщин во вредных производствах, которые в советское время явно различались: было отчетливо видно, в какие возрастные периоды во вредные производства идут мужчины, а когда туда идут женщины.

Интервью с Еленой Мезенцевой: «Основной проблемой гендерных исследований является дефицит собственной методологии»

– Я знаю, что в 2010 г. на базе ИСЭПН было реализовано исследование, изучающее региональную дифференциацию в сфере гендерных отношений. Расскажите, пожалуйста, о нем подробнее.

– Проект осуществлялся при поддержке Фонда Дж. и К. МакАртуров и носил довольно длинное название: «Создание сети экспертов по правам женщин в регионах России и подготовка рекомендаций для развития региональных структур национального механизма по гендерному равенству». Этот проект стал продолжением серии проведенных МЦГИ исследований, в которых основной содержательный акцент делался на проблемах равноправия мужчин и женщин. Я была одним из федеральных экспертов и занималась сначала разработкой методики анализа гендерного неравенства на региональном уровне, а затем, уже на заключительном этапе реализации проекта, попробовала разработать методику оценки масштабов такого неравенства и выстроить рейтинг регионов РФ по данному показателю.

– Такая необычная задача...

– Почему? Задача совершенно нормальная. Такие задачи решались и решаются. Просто социологи относительно редко с ними сталкиваются, потому что для этого требуется умение работать с официальной статистикой, а также определенная квалификация, позволяющая увидеть пространственные изменения социальных процессов. Одна из известных работ в этой сфере – «Социальный атлас российских регионов», в том числе и в гендерном разрезе, подготовленный Н. Зубаревич. Но если «Атлас» был выполнен на основе методики ООН, в соответствии с которой рассчитывается индекс человеческого развития с учетом гендерного фактора, то я попыталась построить рейтинг регионов

по методике, разработанной Всемирным экономическим форумом.

– Такие рейтинги строятся в различных странах?

– В основном такие замеры осуществляются на международном уровне, обычно речь идет о межстрановых рейтингах человеческого развития и гендерного равенства. Сейчас каждый мировой доклад ООН о человеческом развитии переводится на русский язык. Причем с методологической точки зрения именно мировые доклады оказываются самыми инновационными. Все новое в методологии сравнительных межстрановых исследований появляется главным образом на этом уровне. И после того как в 1995 г. в Пекине состоялась всемирная конференция по проблемам женщин, в регулярно публикуемую статистику ООН вошел ряд индикаторов, которые были связаны с гендером. Именно с 1995 г. ООН начала рассчитывать индекс человеческого развития с учетом гендерного фактора и так называемый индекс расширения возможностей женщин. Правда, последний показатель по России не вычисляется, поскольку российская статистика не позволяет провести измерение по всему набору необходимых переменных. Однако российская статистика позволяет посчитать индекс, аналогичный тому, который был в 2006 г. предложен Всемирным экономическим форумом, и получил название индекса «глобального гендерного разрыва» («Global Gender Gap») – показатель, отражающий степень разрыва между мужчинами и женщинами в обеспечении равенства прав в экономической, политической и других сферах. И мне показалась любопытным выяснить, возможно ли разработать аналогичную методику для анализа региональных различий в России – например, чтобы проверить, подтверждаются ли эмпирикой некото-

рые выводы концепции «ресурсного проклятия».

Согласно этой концепции, высокая обеспеченность страны природными ресурсами и активный сырьевой импорт негативно отражаются на экономической и политической ситуации в стране и могут обуславливать дискриминацию женщин, поскольку происходит перераспределение производства в пользу добывающих отраслей с преимущественно мужской занятостью. Имело смысл проверить, с одной стороны, есть ли взаимосвязь между долей экспорта сырья в валовом региональном продукте и масштабами гендерного неравенства в регионе, а с другой – посмотреть аналогичные показатели взаимосвязи между гендерным неравенством и масштабами федеральных социальных трансфертов, поступающих в регион. Таких исследований на российском материале пока никто не делал.

– Какие результаты удалось получить по итогам ранжирования регионов с учетом гендерного разрыва?

– Мы увидели, что в 2010 г., как и в начале 2000-х гг., в составе регионов, характеризующихся наиболее высокими показателями равенства, по-прежнему остаются Москва и Московская область, а также некоторые наиболее богатые добывающие регионы – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Тюменская область, Татарстан. В этих субъектах высоки стимулы к расширению спроса и разнообразия на рынке труда, здесь формируются сегменты рынка труда, предьявляющие спрос на высококвалифицированный женский труд, что постепенно оказывает сглаживающее воздействие на гендерные различия в заработной плате и доходах. Второй полюс гендерного равенства совпадает с зонами экономической и социальной отсталости и бедности и представлен рядом регионов Дальнего Востока и Сибири, где неблагоприятные климатические условия сочетаются со слабым развитием экономики, стагнирующим рынком труда, оттоком населения и широким распространением саморазрушительного образа жизни (в первую

очередь, среди мужского населения). Следствием этого является расширяющееся замещение мужчин женщинами как на рынке труда, так и в сфере управления и политики, а также заметное сближение доходов женщин и мужчин.

Что касается регионов с наиболее высоким уровнем неравенства полов, то в их состав вошли в первую очередь крупные промышленные регионы Дальневосточного и Сибирского федеральных округов (Приморский, Забайкальский и Красноярский края, Сахалинская и Кемеровская области). Здесь неравенство полов обусловлено в основном низким уровнем гендерного равенства в сфере экономической активности и благосостояния, а также достаточно низкими показателями равенства в области здоровья и долголетия. Большинство российских регионов, не входящих в состав лидеров и аутсайдеров, имеют уровень гендерного неравенства, в целом близкий к среднероссийским показателям, хотя для разных территорий характерен разный набор факторов, обуславливающих сохранение гендерных диспропорций, и отставание по одним показателям неравенства может быть вполне успешно скомпенсировано другими факторами. Иначе говоря, формирование территориального и гендерного неравенства представляет собой взаимосвязанные процессы, происходящие по различным региональным сценариям.

– Российская гендерная социология конкурентоспособна по сравнению с западной? Интересна ли она западным социологам?

– Пока что она интересна в той мере, в которой российские социологи могут вписаться в мейнстрим современных гендерных исследований на Западе. Но тут есть свои тонкости. Дело в том, что те проблемы, которые сегодня продолжают волновать наших исследователей, на Западе в значительной степени уже решены, а на повестку дня вынесены проблемы, о которых мы пока еще даже особо и не задумывались. Нужно сказать, что до революции российские гендерные исследования хоть и медленно, но пытались развиваться на собст-

венной базе, у нас начинала формироваться своя исследовательская традиция. Например, в 1908 г. состоялся первый Всероссийский женский съезд, где была озвучена гендерная повестка дня для России, предполагающая предоставление женщинам широкого круга гражданских и социально-экономических прав. Замечу, что до этого гендерными вопросами начали интересоваться медики в связи с проблемой контрацепции и абортов.

Потом произошла революция, и в гендерном вопросе мы оказались «впереди планеты всей». В 1918 г. было принято новое законодательство, связанное с регулированием семьи и брака. Оно значительно упростило формальные аспекты регистрации и расторжения брака, разрешило аборты, и т.д. Если вспомнить «12 стульев» Ильфа и Петрова, то показательным примером будет то, как Остап Бендер разводился с мадам Грицацуевой: он дал ей устное согласие на развод, а через некоторое время просто получил от нее открытку, в которой сообщалось, что они уже не являются мужем и женой. Этот сюжет демонстрирует предельную либеральность отечественного законодательства того времени. Подобная либерализация продолжалась с 1918 по 1926 год. В 1926 г. был принят новый закон, который стал эту область «поджимать». А настоящее ужесточение началось с 1947 г., когда стали признаваться только официально зарегистрированные браки и фактически были запрещены разводы. Точнее, формально они запрещены не были, но на практике осуждались, разводы грозили людям исключением из партии, потерей карьеры. Из-за этого сложилась интересная статистическая картина: после отмены в 1956 г. законодательства 1947 г. произошел «взлет» количества разводов. Понятно, что в ту пору речь шла не о кризисе семьи, а о том, что были официально оформлены все те разводы, которые фактически давным-давно состоялись, просто люди не хотели портить друг другу жизнь.

Если считать западные работы по гендерной проблематике в России, опубликованные до начала пере-

стройки, то они производили и производят своеобразное впечатление. Западные исследователи, относящиеся к левому крылу, например Мэри Бакли, писали, что гендерная программа, которая была осуществлена большевиками, замечательна и является как раз тем, чего добивались представители феминистского подхода на Западе. А то, что были перегибы – неравенство полов, дискриминация женщин, использование женского труда в неблагоприятных условиях – так это потому, что государство было очень бедным и не могло сразу реализовать запланированную программу. Такова тональность многих западных работ 1960–1980-х годов. Впрочем, в 1990-е годы энтузиазм западных исследователей относительно гендерной программы большевиков резко пошел на спад, потому что появились публикации отечественных социологов и историков, развенчавших мифологизированный тезис об «освобождении женщины» при социализме.

– **А что происходит в настоящее время?**

– В советский период гендерная социология была сфокусирована на проблемах трудовых отношений и социальных гарантий, сегодня же осуществляется сдвиг в направлении семейной проблематики и решения демографических проблем. А для современных российских экономсоциологов основная проблематика – это трудовые отношения и связанная с ними дискриминация. Однако российское законодательство не дает операционального определения дискриминации, которое позволяло бы возбуждать судебные иски. У нас также нет необходимых подзаконных актов по вопросам трудовой дискриминации. На Западе же проблема дискриминации по полу на рынке труда была в основном решена в 1980-е годы.

Что касается СНГ, то гендерная повестка дня очень различается в зависимости от региона. Например, в Центральной Азии (Таджикистане, Узбекистане, Киргизии, Казахстане) они близки тем, что существуют в странах третьего мира, что связано с общей бедностью населения и значительной гендерной дис-

Петербургский клуб авторской куклы (<http://www.artdoll.ru/nep.html>)

криминацией в разных областях жизни. При этом нужно отметить, что большинство государств СНГ в вопросах гендерного законодательства заметно обогнали Россию. Причем не только Украина, Молдова, Белоруссия, но и такие государства Центральной Азии, как Киргизия, Казахстан, и даже Таджикистан. В определенном смысле нас обошли почти все страны СНГ, потому что везде был принят закон о равных правах и возможностях мужчин и женщин. А вот у нас такого закона до сих пор нет. Его проект вносился в Думу, но депутаты решили, что нам такой закон не ну-

жен. Также в Думе дважды рассматривалась «Гендерная стратегия РФ» – и тоже не прошла дальше первого чтения, хотя этот документ был очень умеренным, не имеющим отзвуков феминистских идей, но ставящий проблемы в гендерном ключе и фиксирующий зоны риска как для мужчин, так и для женщин.

В этом плане ситуация 2000-х годов очень отличается от ситуации 1990-х. Тогда в России не было серьезных нефтяных денег, а негативные социальные последствия, предсказываемые концепцией «ресурсного проклятия», еще не прояв-

лялись. С другой стороны, займы, получаемые Россией из внешних источников, были связаны с деятельностью международных организаций, для которых учет гендерных аспектов является обязательным при реализации любого проекта. И в итоге в 1990-е годы гендерная проблематика в России развивалась достаточно активно. А сегодня российский бюджет формируется из собственных источников, причем немалую долю составляют поступления от экспорта углеводородов. В итоге развитие получили другие тенденции, и в частности в социальной сфере: усиление традиционализма в сфере гендерных отношений и смещение акцентов в сторону вопросов демографического роста. В некотором смысле можно говорить о том, что в 2000-е гг. из государственной повестки дня вообще исчезла гендерная политика: ее потеснили семейная и демографическая.

– Вопросы гендерного равенства и демографической политики являются альтернативами?

– В нашем случае – да, но вполне можно двигаться в обоих направлениях, если государственная политика будет включать как демографические цели, так и цели достижения равенства полов. Более того, в скором времени такой баланс в государственной политике окажется острой необходимостью, поскольку с конца 2000-х годов уже наметилась тенденция к сокращению прироста трудовых ресурсов, а с 2012 г. ситуация в этой области начнет вообще резко ухудшаться, ведь в репродуктивный возраст начнут вступать немногочисленные поколения, рожденные в 1990-е годы. И с точки зрения госполитики непонятно, какие должны быть приоритеты, то ли это демография, то ли изменение условий пребывания на рынке труда (например, через повышение пенсионного возраста), то ли взвешенный баланс демографических целей и целей достижения гендерного равенства. Таким образом, вновь появляется повод поставить вопрос о принятии закона о равных правах и возможностях мужчин и женщин. Уже очевидно, что демо-

графический крен оказался чрезмерным.

Что касается исследований по гендерной проблематике, то в последние два десятилетия они охватили очень разные предметные области – социологию, историю, лингвистику, экономику. И тем не менее основной нашей проблемой продолжает оставаться дефицит собственной методологии. Сильные методологические подходы, которые были предложены для анализа гендерной структуры, тяготеют к марксистским идеям, близки к классовому подходу и концепции патриархата. Последняя концепция сама по себе неплоха, но не удовлетворяют уровень ее методологической проработки и очень высокая идеологическая ангажированность. Здесь основная нагрузка, на мой взгляд, должна все-таки лечь на историков и социологов, которые могут реально разобраться, как формировалась система патриархата и как она трансформировалась во времени. Но это должны быть исследования, опирающиеся на качественный фактический материал и серьезную методологию – только тогда они будут убедительны не только для узких специалистов в области гендерных исследований, но и для всех остальных. Должна отметить также, что и у нас появляются в последние годы очень интересные в методологическом плане работы. Так, например, в прошлом году Ирина Калабихина защитила докторскую диссертацию, где по аналогии с концепцией демографического перехода была разработана концепция гендерного перехода. Полагаю, что такие работы нужно приветствовать.

– Скажите, насколько активно развивается гендерная социология в мусульманских странах, да и вообще в странах третьего мира?

– Нельзя сказать, что представителей этих стран нет среди исследователей, но и о серьезном предметном диалоге с ними пока говорить рано. Например, очень активно гендерная социология в последние годы развивается в Китае, где в свое время была принята программа сокращения рождаемости, а теперь они сталкиваются с очень значительным пере-

весом в пользу мальчиков в молодых поколениях, и возникает острая проблема дефицита невест. Когда разрешено было заводить одного ребенка на семью, китайские семьи предпочитали родить мальчика, в альтернативном случае предстояли УЗИ и аборт.

– Аборты делались по половому признаку ребенка?

– Да.

– Есть такие исследования?

– Конечно, и не только по Китаю. Есть, например, исследования по Грузии, Армении и Азербайджану. В Армении в меньшей степени, а вот в Грузии и в Азербайджане на уровне третьего ребенка четко видна селекция по полу. В естественных условиях в среднем рождаются 105 мальчиков на 100 девочек, что довольно стабильно, флуктуация минимальная. А вот на уровне третьего ребенка в Грузии и Азербайджане соотношение становится почти 1 : 0,5 (140 мальчиков на 100 девочек). Если первые два ребенка – девочки, то дальше семьи жестко настроены на то, чтобы родить наследника. В Китае, где все льготы были направлены на первого ребенка, такая селекция происходила уже на уровне первого ребенка. Поэтому сегодня девочки в Китае в большой цене. И сватовство нередко начинается с момента их рождения.

– В России существует естественное соотношение полов?

– Да. Даже материнский капитал вряд ли что-то изменит. У нас перекос возникает в старших возрастах: в возрастной группе 40-45 лет резко возрастает смертность мужчин, и дальше за счет нее возникает перевес в пользу женщин. Критической областью для нас является сочетание гендерного неравенства с другими видами неравенства. И прежде всего с такими видами дискриминации, как возрастная и дискриминация по внешней привлекательности.

– Правда?

– Да, у нас об этом открытым текстом говорят работодатели. Кроме того, существуют исследования на основе данных США и Канады, ко-

торые подтверждают статистически значимые различия по заработной плате у людей, которые оцениваются окружающими как привлекательные и как непривлекательные. Разница в зарплате у них составляет около 15%. Подобное неравенство порождает спрос на пластические операции, липосакцию и т.д. Появилось даже такое понятие, как «люкизм» (lookism).

– **Неравенство стимулирует развитие индустрии красоты...**

– Да, конечно. Например, в прошлом году я участвовала в обследовании ВЦИОМа по проблеме здорового образа жизни. Россиян спрашивали, в какой информации, полезной с точки зрения поддержания здоровья, они нуждаются. Выяснилось, что мужчин и женщин главным образом интересуют те аспекты здоровья, которые повышают их привлекательность в глазах противоположного пола.

Тут важно помнить, что гендерный ракурс является глубинной характеристикой человеческого восприятия мира, и нам от этого не уйти. Правда, японцы пишут, что за последние десятилетия у них в молодом поколении восприятие гендерных различий существенно ослабло. Я думаю, что эти выводы нуждаются в серьезной проверке, поскольку Г. Хофстеде относит Японию к странам с ярко выраженной «маскулинной» культурой. Кстати, примечательно, что сегодня в Японии наблюдается всплеск разводов среди пар пожилого возраста, инициаторами которых выступают женщины. Почему? Потому что в Японии модель женской занятости не такая как в России: там женщина остается дома в роли домохозяйки, а мужья работают до 60 часов в неделю. А вот когда муж выходит на пенсию и сидит дома, то выясняется, что ни муж, ни особенно жена не готовы 24 часа в сутки находиться друг с другом. Японки так и отвечают на вопрос о причине развода.

– **Важный фактор семейного благополучия – не попадаться на глаза?**

– Да, можно сказать и так. И это одна из причин, лежащих в основе гостевых браков.

– **Гостевые браки могут оказаться очень популярными в будущем, ведь с развитием индивидуализма отсутствие необходимости подстраиваться друг под друга приобретает особую ценность...**

– Да, думаю, что так. Для современного поколения возможность индивидуальной самореализации приобрела очень высокую ценность. И дело тут не столько во влиянии феминизма и эмансипаторских идей, сколько в том, что изменились основания, обеспечивающие семье стабильность. Я пока не увидела ни одного аргумента, который разубедил бы меня в том, что исторически основой стабильности семьи были преимущественно экономические интересы. Конечно, важную роль играли религия, традиция, мнение окружающих. Но в основе стабильности семьи в предыдущие столетия лежала все-таки экономическая необходимость. Ведь институт семьи не только решал проблему выживания, но и выполнял такую важную хозяйственную функцию, как передача наследства кровным детям. А более-менее достоверно обеспечить кровное родство в тех условиях могла только семья. Сегодня же многие функции стабильной семьи становятся менее востребованными. Институт семьи, который тысячелетиями воспринимался как незыблемый, «посыпался» во второй половине XX в. Контрацептивы, сексуальная революция, установление отцовства по анализу ДНК, женская занятость, развитие законодательства и социальных программ – факторы, которые сегодня делают семью нерациональной с практической точки зрения, и очень уязвимой в плане стабильности, поскольку экономическая основа последней ушла на второй план. Хотя это не означает, что институт семьи отомрет. Просто он будет видоизменяться.

Традиционная семья успешнее всего сохраняется сегодня либо в наиболее архаичных обществах, живущих фактически в условиях родоплеменного строя, либо в странах, где соблюдаются два условия: высокая религиозность населения в сочетании с высоким уровнем жизни – как например, в Саудовской

Аравии, Кувейте или Бахрейне. Только в таких условиях можно запрещать женщине передвигаться по территории страны без сопровождения мужчины, не разрешать совместное обучение и занятость. Хотя в последние годы даже Саудовская Аравия вынуждена была пойти на уступки, несколько изменив законодательство и разрешив женщинам работать, правда, при условии отсутствия контактов с противоположным полом.

А вот в тех мусульманских странах, где нет возможности обеспечить такой уровень жизни, как в странах Персидского залива, происходят другие процессы – там резко увеличивается миграционный отток населения. И как следствие, все большая часть населения вступает в контакт с современным западным обществом, которое уже далеко отошло от традиционных установок. В итоге обнаруживается, что население мусульманских стран с высоким миграционным оттоком оказывается очень уязвимым перед вызовами современного общества.

Например, исследование, проведенное в прошлом году по инициативе ЮНИФЕМ и ЮНЕЙДС в Таджикистане в области предотвращения эпидемии ВИЧ/СПИД, наглядно продемонстрировало, как традиционные структуры «трещат по швам» при встрече с обществом модерна. По результатам проекта мы выяснили, что ВИЧ/СПИД – это не только проблема мигрантов, но и проблема их жен и детей. Мигранты, выросшие в традиционном обществе и следующие мусульманским запретам, не имеют привычки пользоваться барьерными контрацептивами со своими партнершами в странах, куда едут на заработки. А их жены не могут отправить мужа на обследование после возвращения из миграции. В итоге на свет появляются ВИЧ-инфицированные дети от ВИЧ-инфицированных матерей. Получается, что традиционное общество не готово к вызовам, к которым общество модерна уже адаптировалось. Складывается очень опасная ситуация, которая пока еще не нашла своего разрешения.

Беседовала Елена Бердышева

Эльвира Ариф

научный сотрудник Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, ведущий специалист НИЦ «Регион»

Женские драки: роль боли в восприятии ситуации применения физического насилия¹

Введение

В социологической литературе восприятие исследователями физического насилия как неотъемлемого атрибута маскулинности приводит к воспроизводству приписываемой мужчине роли агрессора, а женщине – жертвы. Представляется, что подобные рассуждения нуждаются в переосмыслении. Такая задача может быть решена через перенос фокуса исследовательского внимания на женщину, имеющую опыт включения в практики, допускающие и подразумевающие физическое насилие.

Опыт применения физического насилия в данном тексте изучается на примере драки. Стоит отметить, что драки обычно описываются исследователями как элемент традиционной мужской молодежной культуры². Физическое насилие также зачастую рассматривается как средство коммуникации между юношами в некоторых молодежных субкультурах (скинхэды, националисты, футбольные фанаты, отчасти анархисты и др.)³. Женский и девичий опыт не вписывается в этот корпус текстов. Вместе с тем, именно преодоление «гендерной слепоты»⁴ позволяет переопределить понимание ситуаций применения физического насилия.

Следуя тезису Н. Ходыревой⁵ о необходимости изучения причин физического насилия, напрямую зависящих от динамики властных отношений, выстраивающихся на личностном уровне, я обращаюсь к анализу девичьей драки. Подчеркну, что внимание к практикам физического насилия между девушками вызвано важностью разведения цепочки понятий «мужчина» и «на-

силие». В фокусе данного исследования девичьей драки находится восприятие участницами своих телесных ощущений.

Логика изложения будет следующей. Сначала речь пойдет об условиях восприятия (не)нормативности девичьей драки, затем будет рассмотрена зависимость оценки телесных реакций от ситуации применения физического насилия, а в завершение дано сравнение восприятия девушками опыта телесного реагирования на физическое насилие со стороны другой девушки и со стороны мужчины.

Под девичьей дракой в данном тексте понимается нанесение девушками взаимных побоев, т.е. двустороннее применение физического насилия. За пределами внимания остаются ситуации избиения, когда побои наносятся преимущественно в одностороннем порядке. В анализ также включен опыт юношей, принимавших участие в драках.

Говоря о драках, стоит принимать во внимание, что они могут быть различными. Условно драки можно разделить на два типа. Первый – драка в рамках структурной организации (назову ее драка «за место» – например, школу, университет, спортивный клуб), отношения в которой выстраиваются в зависимости от внутренней социальной иерархии. Второй тип драк происходит вне явной структурной организации (драка «против Другого»), т.е. при отсутствии заданных иерархий⁶. В этом случае акт насилия направлен не на конкретного человека, а на представление о некоей его составляющей («различии»), которая вызывает ненависть, связанную с «бессильной цинической рефлексией»⁷. Спусковым крючком для столкновения «против Другого» может стать обнаружение у него любого качества, которое способно оказаться раздражителем, порождает ситуацию социальной неопределенности и запускает связанный с неспособностью ее преодолеть механизм ненависти. Впрочем, проявление физического насилия не является исключительно следствием неудовлетворенности существующим социальным порядком. Не меньшую роль играют исторически сложившиеся условия, в рамках которых человек, облада-

¹ Текст написан по материалам статьи: Ариф Э. Больные или ненормальные? Вторжение девичьих драк в пространство «мужского» насилия // В тени тела / под ред. Н. Нартовой, Е. Омельченко. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2008. С. 57–71.

² Морозов И.А. Драки. URL: <http://www.mujskoe.lodya.ru/Muj4.htm>

³ Щепанская Т.Б. Зоны насилия // Антропология насилия / отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков. СПб.: 2001. С. 115–177.

⁴ Подробнее см.: Омельченко Е. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга, 2004.

⁵ Ходырева Н. Причины физического насилия: сущность рода или дисбаланс власти? // О муже(Н)ственности: сб. статей / сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 161–186.)

⁶ Подробнее см.: Ариф Э. Экстремальность мужественности: анализ опыта участия в драках // Поколения.net: хроники событий / под ред. Е. Омельченко. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2007. С. 162–174.

⁷ Жижек С. Некоторые политически некорректные размышления о насилии во Франции и не только // Логос. 2006. № 2 (53).

ющий соответствующим настроением, имеет негласную возможность выразить свою неудовлетворенность через нападение (например, «необычное» поведение человека в состоянии алкогольного опьянения – вполне легитимная практика, потому и агрессия с его стороны является ожидаемой⁸).

Таким образом, внимание в тексте сосредоточено на опыте применения девушками физического насилия в драках первого и второго типов.

Эмпирической базой исследования стали нарративные интервью с молодежью (10 интервью с молодыми женщинами и 5 с юношами в возрасте 17–30 лет)⁹, принимавшей участие в различных драках, но при этом не включенной в субкультуры и закрытые гомосоциальные группы. Для того чтобы представить некий разброс мнений об этих практиках, «со стороны» были взяты еще 5 интервью (у двух девушек, трех юношей в возрасте 17–30 лет) с людьми, имеющими опыт наблюдения девичьих драк.

(Не)нормативность девичьего опыта участия в драке

Девушки, рассказывая свои истории, подчеркивали, что принимали участие в драке против своей воли. Создавалось впечатление, что для них самым важным было найти обоснование своего включения в драку в ответ на нападение, проговорить все субъективно значимые детали своей реакции и в целом опыта. Построенная таким образом аргументация позволяла освободиться от ответственности за произошедшее. Вероятно, одновременно с этим происходило освобождение от стыда. Отмечу, что ни в одном из нарративов само это чувство не упоминается прямо. Скорее можно говорить о том, что стыд присутствует как некий след, формой выражения которого становится чувство неприятного. Последнее, по мнению Н. Элиаса, неотделимо от стыда. Разница между стыдным и неприятным заключается в том, что «второе возникает в случае проступка, нарушения запретов, налагаемых своим “Я” и обществом», в то время как «первое проявляется, когда кто-то другой приближается к “опасной зоне”». Оценка своего поведения и действий другого человека воспринимается как своего рода позыв идущий изнутри, привычный и автоматический. Порог стыда и чувствительности моделируется запретами, которые носят социальный характер»¹⁰.

Рискну предположить, что оправдание необходимости включения в драку вместе с оценкой своего состояния

⁸ Фекьяер Х.О. Алкоголь и иные наркотики: магические или химические вещества? Киев: Международная независимая ассоциация трезвости, 1994.

⁹ Интервью проводились в рамках индивидуального исследовательского проекта «Девичьи драки: цели и стратегии маркирования женских практик», грант Фонда имени Генриха Белля, 2006–2007 гг.

¹⁰ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 295.

http://www.diary.ru

как неприятного является реакцией и на факт применения физического насилия, и на нарушение нормы, согласно которой девушка не должна допускать действий подобного рода. Взаимодействие в обществе строится на (не)гласных правилах, определяющих, как следует вести себя по отношению друг к другу. Одной из подобного рода конвенциональных норм является неприкосновенность человеческой жизни.

Согласие относительно правил поведения обеспечивает социальный порядок. Насилие «разрывает общественную коммуникацию, разрушает ее общепризнанные основания, получившие выражение в традициях, обычаях, праве, иных формах культуры. В этом смысле оно всегда представляет собой нарушение некоего договора, нормы, правила, односторонний выход за принятые рамки коммуникации»¹¹. Именно запрет на применение насилия становится одной из предпосылок существования общества. Вместе с тем оно является необходимым и легитимным инструментом власти.

Одной из основ доминирующего положения мужчин в обществе является поддержка актуальности разделения мужчин и женщин на основе принципа бинарных оппозиций. Существуют особые ритуалы назначения, которые устанавливают границу между теми, кто социально достоин того, чтобы подвергаться тем или иным испытаниям, и теми, кто из них в принципе исключен¹². Разделение предполагает не просто подчеркивание различий, но их маркирование, которое призвано публично

¹¹ Гусейнов А.А. Понятие насилия // Философия, наука, цивилизация / отв. ред. В.В. Казютинский. М.: Едиториал УРСС, 1999. С. 293–308. URL: <http://www.guseinov.ru/publ/nasilie.html>

¹² Бурдьё П. Мужское господство // Бурдьё П. Социальное пространство. Поля и практики. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. URL: <http://bourdieu.narod.ru/>

произвести роли доминирующего и доминируемого. Это проявляется в определении речевых форм, графических изображений, структур пространства, техник тела, практик.

Использование физической силы в драке связано с установлением доминирующей позиции. Так как в обществе она приписывается мужчине, то практика применения физического насилия маркируется как мужская. В этом случае использование девушкой физического насилия становится не только нарушением общественного договора, но и посягательством на доминирующую (по умолчанию – мужскую) позицию.

Одновременно с этим девушка своим поведением ставит под сомнение состоятельность стандартной идентичности молодой женщины. Вместе с тем, анализируя девичьи драки, Н. Адамс в своей статье говорит о том, что применение девушками физического насилия не вступает в противоречие с восприятием ими своей феминности. Девочки не отвергают свой опыт как неженское поведение, и даже наоборот, воспринимают себя очень женственными. Это является показателем противоречия между доминирующим дискурсом феминности и субъективным опытом девушек. Девушки воспринимают участие в драках как «инструмент выживания», оставаясь при этом в рамках женского опыта. Тем самым формируется разрыв между «делать» (включаться в определенные практики) и «быть» (феминной)¹³. Подробнее этот разрыв можно описать через анализ телесного опыта молодых женщин, участвующих в драке.

Телесный опыт девушки в драке

Ключевой категорией информанток – узловым моментом нарратива, вокруг которого участницы формируют смысловое пространство – является категория боли. Именно чувство боли становится той отправной точкой, после которой девушки начинают отвечать на нападение и вместе с тем вступают на территорию нарушения нормы.

Я исхожу из того, что «боль это не только возбуждение, вызываемое в ноцицепторах и ноцицептивных путях повреждающими стимулами, она всегда представляет собой психологическое состояние, даже несмотря на то что в большинстве случаев имеет непосредственную физическую причину»¹⁴. Такое определение боли позволяет подчеркнуть не только аффективную составляющую, но и необходимость ее интерпретации.

Девушка в драке, чувствуя боль, сталкивается с двойственностью тела. С одной стороны, она посредством боли встречается с тем, что «...не поддается переводу в мир объектов, что не объективируется, ибо является

особым психосоматическим состоянием, которое мы переживаем всегда индивидуально...»¹⁵, иначе говоря, она встречается с неартикулируемым опытом тела. С другой стороны, боль – это «место субъекта. То место, где он появляется, отличает себя от хаоса. Невыносимое накаленное состояние между внутри и снаружи, я и другим»¹⁶. Потеря восприятия целостности тела, его двойственность ставит молодую женщину перед необходимостью реализации своего тела как индивидуального ощущения и как некоего объекта, вписанного в социальное. Здесь и возникает проблема.

Представление о ненормативности применения девушкой физического насилия распространяется и на допустимые, а значит, приемлемые, формы реагирования на боль, которая является неустранимой составляющей девичьей драки. В результате, как это ни парадоксально, боль также попадает в зону ненормативного. Невозможность перевести телесную болевую реакцию в некие общепринятые знаковые формы становится еще очевидней, если обратиться к легитимным и даже одобряемым способам реагирования на «нормальную» женскую боль, в частности родовую. Так, представление о болезненности конкретной деформации тела предполагает способ медиации боли, борьбы с ней, форм принятия и связано с определенными техниками. Родовая боль, с этой точки зрения, представлена совокупностью устных и письменных источников в традиционной и современной культуре, в которых описываются способы ее восприятия и формы реагирования на нее¹⁷. Постоянное упоминание боли и ее описание в нарративах информанток является неслучайным. Телесная реакция молодой женщины в драке не может конвертироваться в символическую форму. Способы «говорения» о применении девушками физического насилия носят рыхлый, оправдательный, сравнительный, оценочный, эмоциональный характер. Часто целостного повествования о драке не получается, и кажется, что, если бы не каркас из вопросов исследователя, рассказа респондентки вовсе не было бы. Налицо контраст с восприятием боли в драке юношами, для которых она оказывается нормой, благодаря чему технологично, фактологично и четко описывается в нарративах. Допустимость применения мужчинами физического насилия предполагает культурные формы, которые используются в качестве социальных матриц приемлемых способов реагирования и вариантов интерпретаций¹⁸, выработанных за годы нормализации, а также свою историю в качестве обоснования легитимности, что находит свое выражение в «риторике насилия»¹⁹.

¹³ Adams N. Fighting to be Somebody: Resisting Erasure and the Discursive Practices of Female Adolescent Fighting // *Educational Studies*. 1990. Vol. 30. No. 2. P. 115–139.

¹⁴ Classification of Chronic Pain / ed. by H. Merskey, N. Bogduk. IASP Press, Seattle. 1994. URL: www.painstudy.ru/matls/review/termin.htm (16.02.2008).

¹⁵ Подорога В. Эпоха Corpus'a? // Нанси Ж.-Л. Corpus. М.: Ad Marginem, 1999. С. 195.

¹⁶ Кристева Ю. Боль/ужас // *Гендерные исследования*. 2001. № 6. 2001. С. 73.

¹⁷ Белоусова Е.Л. Родовая боль в антропологической перспективе. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklor/belousova1.htm>

¹⁸ См., напр.: Усманова А. Насилие как культурная метафора // *Топос*. 2001. № 2–3 (5). С. 122–140.

¹⁹ См.: Лауретис Т. Риторика насилия. Рассмотрение репрезентации и гендера // *Антология гендерной теории / пер., сост. и комментарии Е.И. Гаповой, А.Р. Усмановой*. М.: Прописи, 2000.

Коммерциализация ненормативного

Молодые женщины, нарушая норму, оказываются выброшенными из социально приемлемого пространства культуры. Так, по словам Дж. Батлер, «в той степени, в которой нормы действуют как психические феномены, сдерживая и производя желание, они также управляют формированием субъекта и обозначают пределы области жизненно пригодной социальности»²⁰. Включившись в драку, девушка покидает сферу нормативной социальности, становясь в глазах стороннего наблюдателя пассивным объектом для визуального удовольствия, занятым зрелищем. (Примечательно, что в нарративах информанток особую роль занимает разнимающий. Этот актер не просто прекращает драку между девушками, но возвращает их, хотя и в потрепанном виде, в лоно и под защиту нормы, восстанавливая социальный порядок.)

Переход от драки к развлечению публики может рассматриваться как легитимный способ «изживать аффективное напряжение» и удовлетворять особого рода зрительские симпатии, не нарушая при этом четко установленных границ и строгих правил. Ведь глаз в современном обществе является «главным передатчиком удовольствия, как раз потому, что непосредственное удовлетворение влечений... ограничивается множеством запретов и барьеров»²¹.

Можно выделить три ключевых способа пролегитимного оформления применения молодыми женщинами физического насилия как зрелища. В первом случае девичья драка преподносится как соревнование. К нему можно отнести разные виды женских силовых (борьба до капитуляции, бои «без правил», армрестлинг, легрестлинг) и спортивных (дзюдо, самбо и др.) единоборств. Второй канал построен на эротизации женских практик. Это направление представлено единоборствами в сфере развлечений: борьба в субстанциях (вода, грязь, мыльная пена, масло, сливочный пудинг, шоколадный крем, пищевой жир, желе, шинкованные овощи и т.д. и т.п), борьба с раздеванием. В третьем варианте применение девушками физического насилия передается как коммерчески эффективная составляющая: демонстрация женских драк в фильмах, рекламе и видеоклипах. В частности, последние несколько лет на «MTV Movie Awards» в номинации «Лучшая драка» отмечаются и занимают призовые места драки с участием женщин и между женщинами.

Кроме того, внутри самого девичьего мира нормы и правила легитимного и нелегитимного устанавливаются по-своему. Относительно ненормативности применения девушкой физического насилия выстраиваются разнообразные формы социокультурного освоения. В частности, в Сети можно встретить подобного рода объявления:

Меня зовут Лариса, я живу в Питере, часто бываю в Москве. Мечтаю побороться с девушкой приблизительно моей весовой категории (плюс-минус килограмм 10), не имеющей борцовской подготовки, по правилам submission wrestling²² либо oil-wrestling²³. Готова хорошо оплатить участие в поединке независимо от результата, для повышения стимула могу организовать дополнительный денежный бонус для соперницы в случае победы. Без фото- и видеосъемки. Мне 30 лет, рост 176 см, вес 63 кг, неплохая спортивная подготовка, но борцовских навыков нет. Подробности – по e-mail. Отвечу на письма с фото. Мужчин ПРОСЬБА НЕ БЕСПОКОИТЬ!²⁴ [курсив автора]

Судя по подобным объявлениям, для некоторых девушек недопустимость девичьей драки становится привлекательным условием создания собственных версий индивидуальных развлечений. В дополнение к сказанному можно привести в качестве примера сайт²⁵, единственная цель создания которого – продажа фотографий и видеозаписей драк с участием девушек. Таким образом, желание запретного как любое другое желание в обществе потребления приобретает форму товара и имеет свой денежный эквивалент. При этом конвертация может приобретать самые разные формы, как по масштабам, так и по ориентации на различные социальные группы. Вопрос исследования коммерциализации ненормативных практик и образующихся рыночных ниш остается открытым для изучения. Подчеркну важность влияния на экономические отношения развития информационного общества, которое позволяет ускорять и снижать риски доступа к товарам и услугам, так или иначе связанным с ненормативными практиками. В этих условиях особую важность представляет необходимость исследования применения физического насилия с точки зрения различных сфер и областей.

От субъекта к объекту физического насилия

Представление о вариативности восприятия боли, рассмотренное на примере драки между молодыми женщинами, оказывается полезным и в качестве нестандартного фокуса изучения применения физического насилия мужчинами по отношению к женщинам. Обращение к интерпретации молодыми женщинами своего телесного опыта в девичьей драке позволяет

²⁰ Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. СПб.: Алетей, 2002. С. 31.

²¹ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 283.

²² «Борьба до капитуляции» – разновидность боевых единоборств, преимущественно построенная на использовании болевых и удушающих приемов и запрещающая нанесение ударов и использование оружия. Целью поединка является достижение капитуляции (сдачи) соперницы, выражаемой либо словами, либо похлопываниями ладонью по телу победительницы или по полу. URL: http://www.sportsmen.ru/borba/women/vidy_ed/art681.html.

²³ «Борьба в масле» – один из видов борьбы в различных жидкостях и полувязких субстанциях.

²⁴ <http://narod.yandex.ru/userforum/?owner=girlfight> (21.12.2006).

²⁵ <http://femalefight.ru/>

говорить о восприятии боли как нормальной или ненормальной. Самым интересным оказывается тот факт, что восприятие и артикуляция ощущений строится по аналогии с оценкой ситуации (в большей степени как нормальной, или, напротив, – ненормальной). Восприятие боли опирается не только на исторический культурный опыт принуждения, предписанные наличным гендерным порядком правила терпения и исключения, но и на особый тип амбивалентного восприятия себя и своего тела: одновременно и принадлежащего, и отчужденного.

Можно предположить, что в случае применения физического насилия со стороны мужчины некоторые женщины действительно могут воспринимать физическую боль как нормальную, предписанную анатомией и продленную априорным мужским доминированием. В этом же контексте рассматривается предопределенность менструальной, родовой и других «чисто женских» болей, так или иначе приписываемых возможностями и последствиями близости с мужчиной. Однако стоит отметить, что в подобного рода ситуациях в отношении к боли как к нормальной лежит не только приверженность определенным традиционным культурным формам, но и в какой-то степени стремление «найти хоть какую-нибудь стабильность в сегодняшнем дезориентированном социуме»²⁶. Вместе с тем, если с этой точки зрения взглянуть на опыт женщины, по отношению к которой насилие применил мужчина, можно предположить, что она воспринимает свою боль как нормальную, потому что вариации форм репрезентации подобного женского опыта культурно многообразны, подкреплены историей и подтверждены научно (включая способы сопротивления). Информация о применении мужчиной физического насилия по отношению к женщине, и самых разнообразных его прояв-

лениях многократно воспроизведена в исторических трактатах народов мира, работах современных авторов и в интернет-ресурсах. Это способствует не только закреплению, но и воспроизводству женской стереотипов, структурирующих описание опыта насилия, испытанного ею со стороны мужчины. Подчеркну, важным условием существования такого положения вещей в доминирующем дискурсе является то, что подобного рода интерпретации поддерживаются самими женщинами. Однако не стоит подобную поддержку абсолютизировать. Рамки исторических условий и циркулирующих в обществе дискурсов оставляют пространство для свободного выбора индивида. Выбор того или иного решения и характера его интерпретации (аргументации) остается всегда за ним.

Заключение

Итак, обращение к женскому опыту участия в драках и причинам применения физического насилия может оказаться достаточно продуктивным. Во-первых, эмпирический материал, полученный на примере исследования девичьих драк, позволяет обратить внимание на вариативность восприятия боли, обусловленной определением применения физического насилия как допустимого или недопустимого в рамках существующего социально-символического порядка. Последнее в свою очередь определяет формы реагирования на ситуацию применения физического насилия, переживание того или иного опыта и оценку ситуации в целом. Во-вторых, позволяет переместить теоретическую перспективу в исследованиях насилия с поиска причин, определенных ролями – мужчины-насилыника и женщины-жертвы, на важность изучения форм взаимодействия участников ситуации, помещенных в рамки риторики насилия, актуальной на этот момент и в данном локальном культурном контексте.

Наталья Халина

преподаватель кафедры
экономической социологии
НИУ ВШЭ

Каково будет удивление студентов, если они узнают, что преподавателям порою приходится учиться ничуть не меньше, чем им самим. Преподаватели вовлечены в непрерывный процесс профессионального развития и освоения нового; будь то научные теории, излагаемые в учебном курсе, или прогрессивные методики преподавания. Об одном опыте повышения квалификации преподавателями НИУ ВШЭ я расскажу подробно.

В 2010–2011 учебном году в НИУ ВШЭ состоялся экспериментальный курс «Педагогические семинары 2010–2011», организованный МИЭФ совместно с Центром преподавания и обучения Лондонской школы экономики (Teaching and Learning Centre LSE)¹. Участниками программы стали преподаватели разных факультетов ВШЭ. Учебные занятия проводили сотрудники Центра, которые в Лондонской школе экономики отве-

¹ Одна из задач данного подразделения ЛШЭ состоит в развитии у преподавателей навыков обучения и оценивания (<http://www2.lse.ac.uk/intranet/LSEServices/TLC/Home.aspx>). Центр возник как один из элементов реакции системы современного высшего образования на то, что оно перестало быть элитарным, превратилось в массовое и доступное практически всем. В такой ситуации востребованными оказываются современные практики обучения, направленные на «воспитание» активного, анализирующего, думающего и умеющего критически мыслить студента. В LSE молодой преподаватель обязан пройти соответствующее обучение в Центре преподавания и обучения и получить сертификат.

²⁶ Салецл Р. (Из)вращения любви и ненависти. М.: Художественный журнал, 1999. С. 151.

²⁷ Позволю себе не делать сноски на многочисленные книги и публикации, затрагивающие данную тему, так как она является одним из краеугольных камней исследований и социальной активности сторонников феминистического подхода.

Преподаватели тоже учатся: осваиваем опыт английских коллег

чают за совершенствование образовательных практик.

Курс состоял из четырех семинаров, проведенных с определенными (и весьма продолжительными) временными промежутками в течение одного учебного года. Три из них организовывались в форме онлайн-конференций. Однако на четвертом, заключительном, семинаре Нил Маклин, руководитель Программы, присутствовал в Москве лично. И хотя общение в режиме онлайн-конференции совсем не препятствовало восприятию информации и учебного материала, именно заключительный семинар оказался самым интересным и запоминающимся; дискуссия, локализованная в конкретном физическом месте, проходила более живо.

Прогрессивность учебной программы для преподавателей не ограничилась организацией семинаров в форме онлайн-конференций. Еще одним новшеством стало то, что всех слушателей подключили к Moodle – интранет-системе ЛШЭ, где были размещены учебные материалы (темы, литература, задания и проч.). Взглянуть на возможности такой системы в деле было не только познавательно, но и полезно, ведь в Вышке сегодня внедряется собственная виртуальная среда учебного процесса (LMS).

Рассматриваемый курс предполагал базовое знакомство преподавателей ВШЭ с тем, как строится обучение студентов в ЛШЭ (много внимания уделялось активному подходу к обучению), а также сравнение плюсов и минусов образовательных систем в этих двух ведущих вузах. В нем были охвачены следующие темы.

1. Руководство студентами, организация учебного курса (Student guidance).
2. Проведение лекций (Lecturing).
3. Оценивание студенческих работ и обеспечение обратной связи (отзывов) (Assessing student work and giving feedback).
4. Развитие навыков академического письма (Teaching academic writing).

Кратко остановлюсь на том, как раскрывалась каждая из них.

Руководство студентами, организация учебного курса. Целью данного семинара было ознакомление слушателей с существующими подходами к организации учебного курса и осуществлению руководства студентами. Еще до начала семинара нам предстояло изучить материалы трех реально действующих учебных программ в ЛШЭ, к двум из которых нас заранее подключили в системе Moodle. В ходе самого семинара мы обсуждали вопросы, связанные с тем, нужно ли осуществлять руководство студентами, как и кто это должен делать. Организация учебного процесса в двух вузах имеет сходства и различия. Общим оказалось то, что студентам должна быть доступна программа курса, подробно объяснены цели и задачи изучаемого предмета, донесена информация о том, в каких сферах могут применяться полученные знания. Зато в вопросах о том, кто и каким образом участвует в руководстве студентами, проявились различия. Западные и российские коллеги сошлись во мнении, что многие студенты стремятся лишь к одной цели – сдать экзамен, а потому необходимо повышать их интерес к изучению данного предмета на протяжении всего времени, пока читается дисциплина, а не только перед экзаменом. Частично эта задача решается с помощью виртуальной обучающей среды. Она дает возможность размещать дополнительные материалы, которые расширяют видение предмета: забавное, но полезное видео, тесты для самооценки текущих знаний, и т.д. Вариантов много, их выбор зависит от временных возможностей авторов курса.

Еще одним примечательным отличием учебного процесса в ЛШЭ по сравнению с Вышкой является активное использование института тьюторства, когда в процесс обучения вовлекаются студенты, уже про-

слушавшие данный курс или его часть, которые могут помочь новым студентам в его освоении. В ВШЭ подобная практика не распространена, хотя могла бы быть полезной для продолжительных или взаимосвязанных (например, базовых и продвинутых) курсов. В рамках таких программ выигрывают все. Тьюторы улучшают собственное знание предмета, получают опыт преподавания. Неформальное общение побуждает студентов задавать больше вопросов. И те, и другие заводят новые знакомства и контакты. В ЛШЭ студенты, заинтересованные в тьюторстве, проходят дополнительное обучение в Центре преподавания и обучения и получают соответствующий сертификат. Подобная практика для кого-то может стать стимулом к тому, чтобы начать собственную преподавательскую карьеру.

Проведение лекций. Второй семинар был посвящен рассмотрению различных подходов к проведению лекций. Для подготовки к данному занятию нам была предложена для чтения статья «Dialogue, Monologue and Soliloquy in the Large Lecture»², а также в Moodle были размещены видео двух реальных лекций, которые иллюстрировали изучаемую тему и существующие в ЛШЭ технические возможности. Например, в ходе одной из лекций преподаватель мог задавать вопросы аудитории, а студенты отвечали на них с помощью специальных пультов.

Упомянутая выше статья сама по себе занимательна: лекции в ней рассматриваются как сценическое действие. Для описания учебного процесса используется театральная терминология. Лектор приравнивается к актеру на сцене. Какие варианты коммуникации доступны такому актеру? Диалог или моно-

² Davis J. Dialogue, Monologue and Soliloquy in the Large Lecture // International Journal of Teaching and Learning in Higher Education. 2006. Vol. 19. No. 2. P. 178–182.

лог? Диалог – это разговор между двумя и более людьми, вербальный обмен мнениями, т.е. то, что обычно происходит на семинарских занятиях. Конечно, в случае с поточными лекциями наладить диалог со всей аудиторией очень непросто. Он возможен только с группой особо заинтересованных студентов, однако тогда все остальные выпадают из процесса. Поэтому на лекции в большой аудитории возможен монолог. Монолог – это чаще всего длинная речь одного героя, тем не менее обращенная к другим персонажам, которые могут находиться в этот же момент как на сцене, так и вне ее. Но бывает еще монолог как «разговор с самим собой» (в английском языке этот вид монолога обозначается словом «soliloquy»), в ходе которого герой погружается в себя и остается наедине с собственными мыслями и чувствами. Так вот идея изученной нами статьи заключается в том, что лекция не должна представлять собой «soliloquy». В ходе семинара мы обсуждали, как не превратить лекцию в «разговор с самим собой», что для этого необходимо предпринять. Например, хорошо, если с самого начала студентам доступна структура и логика лекции, так как всегда полезно знать, в каком месте образовательного путешествия ты находишься. Возвратимся к примеру театра: студенты способны распознать плохую игру, и если вы сами не заинтересованы в том, что делаете, то и остальные не проявят интереса.

Оценивание студенческих работ и обеспечение обратной связи. На третьем семинаре мы рассмотрели способы оценивания студенческих знаний и организацию обратной связи. Одна из важных идей данного блока занятий состоит в том, что недостаточно оценить знания только по результатам курса, нужно чтобы и сами студенты могли контролировать свои успехи на протяжении всего процесса обучения. Важно постоянно обеспечивать обратную связь, чтобы учащиеся могли вовремя увидеть свои слабые места. К слову, для этого необходимо заранее разъяснить, что значит освоить

предмет на «отлично». Прояснить свои требования. Затем нужно научить студента обращать внимание на то, как его текущие знания по курсу отличаются от вашего представления о знаниях, оцениваемых в 10 баллов. Для этого студенту необходимо уметь мониторить свои достижения в соответствии с преподавательскими критериями. И последнее – если реальные знания студента не соответствуют установленной планке, как учащийся может преодолеть этот разрыв? Задача преподавателя – обеспечить обратную связь, дать рекомендации, которые позволят студенту лучше освоить предмет.

Обратная связь со студентами – краеугольный камень образовательного процесса в ЛШЭ. Отзывам здесь уделяется много внимания. Так, например, на бланке, предназначенном для написания эссе, предусмотрено специальное поле для комментариев преподавателя, с которыми может ознакомиться студент, получая оценку. Интересно, что на этом же бланке есть специальное место, где студент может написать, по какому сюжету своего эссе он хотел бы получить комментарии. Студенты таким образом учатся самостоятельно оценивать собственную работу.

Оценить важность и роль отзывов в процессе обучения мы могли на собственном примере, так как по результатам большинства из выполненных заданий каждому из нас были даны индивидуальные комментарии.

Что касается личного опыта, мне показалось важным включить в собственную семинарскую работу больше моментов, связанных с проверкой и оценкой текущих знаний студентов. Сделать задания, в которых учащимся пришлось бы оценивать не только себя, но и своих коллег, тем самым попытаться уменьшить дистанцию между обучающим и обучаемым. Возможно, это повысит ответственность студентов за то, что они делают в университете.

Развитие навыков академического письма. В ходе этого семинара мы разбирали вопросы, как помочь студентам написать хорошее аналитическое эссе в рамках курса. Нам бы-

ла дана возможность прочитать небольшое эссе по теме «Глобализация», написанное студентом Лондонской школы экономики, изучающим социологию. Задачей было оценить работу, применяя критерии, используемые в ЛШЭ. Обсуждалось, что поскольку эссе – это один из видов коммуникации между студентом и преподавателем, то в ходе этой коммуникации можно составить определенное мнение о студенте. Так, московские слушатели предположили, что автор эссе – выходец из Сингапура; он достаточно умен, но при этом ленив, т.е. по качеству его текста можно было сделать вывод, что к эссе он готовился недолго, но успел ухватить ключевые моменты, которых ему было достаточно, чтобы не «завалить» работу. И эти выводы были сделаны на основании анализа двухстраничного текста про глобализацию. Хотя прежде чем ставить оценки, преподавателю важно самому определиться с тем, что считать хорошим эссе. При этом оценивать надо текст, а не самого студента. Любопытным мне показался один из предложенных преподавателями критериев определения качества письменной работы. По их мнению, качественное эссе, заслуживающее отличной оценки, способно продемонстрировать читателю, не являющемуся специалистом по данной теме, специфику подхода изучаемой дисциплины.

* * *

Для тех, кто участвовал в проекте в этом году и выполнил все письменные задания, был обещан *wholly gold-plated certificate* непосредственно из Лондона. Осталось только выполнить последний *post-seminar task*...

В следующем учебном году (2011–2012) в ВШЭ планируется продолжить проведение данного курса, но уже в расширенном варианте. Учебная программа в большей степени будет соответствовать тем курсам, которые проводятся Центром в ЛШЭ. Возможно даже, что будущие участники данного курса отправятся в Лондон для разработки своих учебных программ на английском языке.

Путешествие ЛЭСИ в ближайшее Подмосковье

Александр Куракин

старший преподаватель кафедры экономической социологии, научный сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Действие первое. Завязка

Жили-были люди в ЛЭСИ, горя не знали, чаек попивали. Много зелья не пили, траву не курили. Вели себя прилично, и было все отлично. Но тут Радаев не ради потех задумал мероприятие для всех. «Школа летняя – говорит – ум-разум бодрит. Мозги прочищает, от мусора избавляет, мышление развивает».

Делать нечего, надо идти.

Радаев: Аты-баты, шли лэсята. И не в ногу, и не в ряд, вразной и невпопад. Криво, косо, как не надо. Это вообще не отряд.

И полетел Радаев вперед, разведывать дорогу. Он один из всех путников мог летать. Секрет был в выросшем на спине от чтения книг моторчике, работающем на сладкой газировке, которую он всегда носил при себе в портфеле.

Действие второе. В дороге

Стояла аномальная жара. Было душно, и едкий дым от пожаров разъедал глаза.

Котельникова: Уф, уф, – пыхла Зоя, – дышать нечем. И так уже на полную мощность работаю, а воздух чище не становится.

Панель управления для вентиляционного оборудования Зоя заказала прямо из Парижу, поэтому она светилась стразами, повсюду виднелись рюшки и завязочки. Разноцветные ленточки были вплетены в черные как смоль косички. Около двери на кафедре она когда-то повесила гламурный постер Милен Фармер, а рядом Шевчук приклеил фотку танцовщиц из Мулен Руж.

Шевчук: Хоть они и эксплуатируемый класс, но уж больно хороши, – объяснял Андрей свой поступок. – К тому ж, и мельница там красная, нашенская.

Андрей был настоящим неформалом. Кому надо сочувствовал, а кого надо не любил. Сочинил даже лозунг: фрилансеры всех стран, объединяйтесь, но потом отказался от него, посчитав, что где-то это уже было. Та же история произошла и с призраком фриланса, бродящего по ненавистным, затхлым офисам.

В компании шел и свой проповедник. Звали его Иоанн Павел, а в миру – Ваня Павлюткин. Как человек умный, образованный, а может, даже и интеллигентный, он обладал обширными познаниями. И вполне понятно, что он перепутал юг с севером, и вместо «Гелиопарк Талласо» сейчас бодрым шагом миссионера шел в противоположную сторону. Но он об этом еще не знал и был весел и приветлив.

Говорил он, нарочито окая, кося под седую старину.

Павлюткин: Покайтесь! – говаривал он к месту и не к месту.

Под ногами у всех путался Куракин. У него было два крыла, но летать он не мог. Мозги у него полностью соответствовали фамилии.

Когда Куракин делал особенно глупое выражение лица, Шевчук сажал его к себе на плечо, надевал повязку на глаз и в сочетании с данной ему от рождения серьгой становился похожим на пирата из трактира «Адмирал Бенбоу».

Шедшие вдвоем Бердышева и Барсукова в свое время сколотили герлз-бэнд «Кружевные анкеты» и гастролировали по всему миру. Они частенько выступали на корпоративах у банкиров и бандитов, откуда и сформировались их научные интересы: финансы и неформальная экономика.

Стребков (Шевчуку): Тебе бы еще ногу ампутировать, был бы вылитый Джон Сильвер, – «стробался» Денис. – Попугай только у тебя больно дохлый.

Стребков имел одно качество, присущее лишь ему одному, – он стробался. Другие могли шутить, хохмить, дразнить, издеваться, насмехаться, но стробаться не мог никто, кроме него. Еще он любил одно слово – «валить». Кроме Стребкова, никто не мог произносить его с таким чувством.

Стребков: Валить! – обычно говорил Денис на заседаниях кафедры про все, что касалось студентов.

И еще раз.

Стребков: Валить!

Да, вот как-то так. Если бы студенты были там, они бы попадали в обморок от страха. А если еще на заседании

был Юдин, то они объединялись в непобедимого мегапокемона, крушащего все на своем пути.

Был там и Маркин, который делал ремарки и помарки. Вернее, сам он всегда делал только ремарки, но те, которые не удавались, становились помарками.

Сверху над группой идущих летал Радаев. Он периодически спускался с небес, беседовал с народом, сбрасывал с неба разные диковинки и вообще обеспечивал прикрытие с воздуха.

Частенько Радаев появлялся в разных нарядах: прикольных и не очень. Это мог быть полюбившийся всем ретрокустом Супермена или киберпанковский костюм Нео. Переодеться в костюм человека-паука ему не позволял врожденный вкус. Но и он, бывало, давал сбои. Так, крайне спорным оказался наряд Хабитуса.

В небе летал еще только Су-Соколов, потомок белого офицера Соколова, бежавшего в Шанхай, и партработницы китайской компартии Су-Линь. Студенты прозвали его Су-33 модернизированный, а гимназистки дали ласковое прозвище – Соколик.

Действие третье. Приключение с гномами

Неожиданно на пути путников встал шлагбаум. Поодаль находилась землянка. Все заметили табличку, на которой было написано: «Halt!»

На КПП они увидели двух невысоких людей в черном, блондинов с голубыми глазами.

Котельникова: Не люблю блондинок, – процедила Зоя. В одном существе путники опознали самца, в другом самку. На рукавах у них были повязки с двумя молниями.

– Наверное, руны, – подумали путешественники. – Значит, скорее всего, это гномы.

Действительно, вывод напрашивался сам собой. Гномы потребовали от путников встать в очередь и предъявить папирены (так на жаргоне дальнотбойщиков обычно называются документы). Очередь дошла до Гриши. Гном-самец долго рассматривал пачпорт, наконец, подозри-

тельно оглядел Гришу и, прищулив глаза, спросил: «Jude?»

Юдин: Юдин, Юдин, – проворчал Гриша, – там все написано.

– Пройдемте, – последовал короткий ответ.

Гномы позвали третьего. Из избушки вышел человек в кожанке и с наганом на поясе.

– Проводите товарища, – сказала ему гномиха.

Рядом с гномами стояла Назарбаева, видимо, для самообороны.

Шевчук: Эх, какая Назарбаева! – восхищенно произнес Шевчук, разглядывая стройное полированное древко и блестящее на зимнем солнце острое лезвие.

Назарбаева: Фи, неформал какой-то, – подумала Лена. – Хотя вроде и ничего, если приглядеться: сережка, бородка, гитарка за плечом. Не то, что эти гномы, занесла меня к ним нелегкая.

В конце концов гномы всех пропустили. Кроме Гриши, застрявшего у них в подземелье.

Дальше шли молча до самого вечера. На привале группу нагнал Гриша.

Маркин: Ну что – живой?

Юдин: Да что мне сделается?

Карабчук: Что там гномы делают?

Юдин: Что, что – экзамен пишут. Тупые как пробки. У гномихи еще есть шансы, а остальных отчислять надо. Мне бы бланки с печатями, – воззвал Гриша к небу.

Косалс (Юдину): Какой вопрос ты им задал?

Юдин: Да совсем ерундовый: значение гипотезы биполярного флогистона Давида Кошельбобеля (Koshelbobel) на развитие теории трехфакторного становления государств эпохи раннего Средневековья.

Повисло молчание. Положение спас Куракин, который отпустил очередную шутку, и все повеселели.

Действие четвертое. Встреча с социолухом

Встретился им на пути социолух государственно-охранительный, к власти почтительный. В уши начальникам елей льет, басурманов западных не признает, свои теории сочиняет дни напролет. Никакая зараза его не возьмет.

Полился свет не вечерний, и с неба на помощь спустился Радаев в образе Моисея.

Бердышева+Барсукова: Let my people go!

Стребков: А вот и главный пожаловал.

Радаев: Принес я вам от высших существ заповедей пяток. Слушайте и не говорите потом, что не слышали. Помогает от нечистой силы лучше чеснока.

1. Не укради текста у коллеги своего.
2. Респонденту да не навреди.
3. Веруй в анкету, интервью, наблюдение и документы.
4. Без теории нет спасенья.
5. Бескрайние поля – ваш дом родной.

Бердышева+Барсукова (из «Мессии» Генделя): А-алилуйя! А-алилуйя! Алилуйя, алилуйя, алилу-у-уйя! Социолух испугался и убежал. Путь был открыт.

Действие пятое. Где путники добрались до места, пляшут и поют

Путники добрались до места, пляшут и поют.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Научный руководитель

Вадим Радаев

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой экономической социологии,
руководитель ЛЭСИ, первый проректор
НИУ ВШЭ

Редакционный совет

Зоя Котельникова

преподаватель кафедры экономической
социологии НИУ ВШЭ, научный
сотрудник ЛЭСИ

Елена Бердышева

кандидат социологических наук,
преподаватель кафедры экономической
социологии, научный сотрудник ЛЭСИ
НИУ ВШЭ

Художественный редактор (дизайн и верстка)

Мария Мишина

социальный психолог, журналист,
дизайнер

Отдельная благодарность

Редактору **Кларе Мироновне Канюк**

Корректору **Елене Евгеньевне Андреевой**

НАШИ АВТОРЫ

Елена Мезенцева

кандидат экономических наук, доцент
кафедры экономической социологии НИУ
ВШЭ, международный эксперт ЮНИФЕМ
по региону ЦВЕ и СНГ

Эльвира Ариф

научный сотрудник Центра молодежных
исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге,
ведущий специалист НИЦ «Регион»

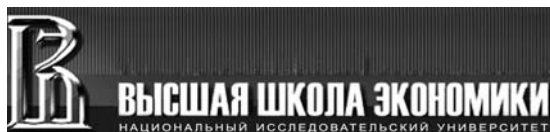
Наталья Халина

преподаватель кафедры экономической
социологии НИУ ВШЭ

Александр Куракин

преподаватель кафедры экономической
социологии, научный сотрудник ЛЭСИ
НИУ ВШЭ

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
web: www.hse.ru

ЛАБОРАТОРИЯ
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

125319, Россия, г. Москва, Кочновский проезд,
д. 3, комн. 403
тел.: (499) 152-07-61
e-mail: eberdysheva@hse.ru
web: soc.hse.ru/ecsoclab/index.html

Адрес редакции

125319, Россия, г. Москва,
Кочновский проезд, д. 3, комн. 403
тел.: (499) 152-07-61

Выходит один раз в два месяца
Тираж 500 экз.

Распространяется бесплатно

Веб-версия номера:
soc.hse.ru/ecsoclab/index.html